

КНЯЗЕВ Е.А.
ЭКРАН ИЛИ ШКОЛА: КТО ПОБЕДИТ?!⁴⁸

Кончается век, который как только не называли: “век атома”, “век авиации” и т.п. Можно его назвать и “веком экрана”, ибо нечто главное изменилось в подаче любой идеи, сведения, даже простых эмоций. Нынешняя культурологическая пустота стала привычно-экранной. Большая часть интеллигенции проводит время дома, на даче. На выставки и в музеи ходить перестали.

“А двадцать лет назад! “Бульдозерная” выставка, а потом выставка в павильоне “Пчеловодство” на ВДНХ. Пока до нее дойдешь, всю московскую милицию встретишь.

Из всех искусств нам теперь всего дороже телевидение. Да только можно ли его именовать искусством? Скорее оно и есть сама наша жизнь. Телевидение, телезнание, тележизнь. Надо только успеть на что-то интересненькое, переключиться, чтобы всякую муть не смотреть” (с. 43).

Угасали последние очаги сопротивления интеллигенции теле-визионной оккупации. Вслед за Р.Брэдбери и А.Тарковским всем нам некогда казалось, что надо читать хорошие книги, смотреть хорошие фильмы, ходить на выставки. Против “холодильника для мозгов” выступали до перестройки, до “Взгляда”, “До и после полуночи” — этих передач интеллектуалов для интеллектуалов. Вторая оттепель заставила смотреть на экран, ибо выяснилось, что можно увидеть новости. А сейчас в любой квартире на центральном месте стоит телевизор. “От “Рубина” к “Шарпу”, от него к “Сони” — таков путь эволюции отечественной мысли 90-х годов XX в. Книжки оказались задвинутыми на второй или двадцать второй план. Появился “Его сиятельство Экран”. “Попробуйте вечером 31 декабря выключить это детище цивилизации и встретить Новый год без него” (с. 44).

“Ящик” задает всем настроение, ритм поведения — от про-граммы “Утро” до надписи: “Не забудьте выключить телевизор!” — ведь взрослым именно так говорят, что пора идти спать. Он стал “учительницей первой моей”: “Английский по пятницам”, “Русская речь” по четвергам, “Что, где, когда” — по субботам, “Клуб теле-горе-дома-путешественников”, как окрестил его Михаил Жванецкий, — по воскресеньям. Если раньше сам факт подписки на журнал, газету означал сознательный выбор (“Хочу поддержать своих!”), то теперь общественное сознание зависит от скорости переключения каналов, умноженной на нетекстуальную культуру. И это вполне демократично, потому что всем доступно. Правда, радоваться тут нечему, замечает автор.

“Штирлиц, а вас я попрошу остаться...”

Первая четверть века после Великой Отечественной войны прошла в утверждении карикатурного образа врага (“Подвиг разведчика” и др.).

Вторая четверть века после войны была ознаменована более серьезными работами кинематографа: умные актеры играли нацистов “как людей”. Восходящие звезды советского экрана играли бойцов “невидимого фронта” вполне удачно, если только не знать, что Л.Висконти и Л.Кавани в это же время сумели поднять тему нацизма на уровень культурологический и даже психоаналитический, показать не просто грех, но невроз и параноидальность данного феномена.

В “Семнадцати мгновениях весны” были собраны суперзвезды кино СССР. “Тонкие черты главного героя-разведчика, его аристократизм... выдавали нечто дворянское... Вырастали поколения, которые буквально наизусть знали этот фильм... Это было сильнее,

⁴⁸ Посев. — Frankfurt a.M., 1995. — Г.51, № 5. — С. 43-50.

чем “Фауст” Гёте, который не удостоился ни одной телесерии на советском телевидении” (с. 46).

Но “телек” очень опасная штука: что-то странное произошло с телезрителями, которые смотрели картину, всю ушедшую в анекдоты про Штирлица. Пик “развитого брежневизма” совпал с постоянным фестивалем советского анекдота, где в первой десятке оказались байки про генсека, Василь Ивановича и товарища Исаева.

Полбеда, если бы все ушло в анекдоты и байки. Довольно солидная часть телезрителей оказалась далекой от чувства юмора или иронии. Поэтому сегодня нечего удивляться и причитать: “Как это в нашей стране, столько миллионов жертв оставившей на полях Отечественной войны, появляются люди со свастикой?” Нечего удивляться! Их советское телевидение воспитало.

Особенно плохо с историческим образованием было в советской школе. Большая часть учебников бодро звала на баррикады, заявляя, что “революция есть праздник угнетенных”, другие авторы дотошно выясняли, во сколько раз в XVIII столетии выросли формы классового угнетения. “А учеников интересовали отнюдь не антифеодальные выступления безлошадного крестьянства среднего Поволжья, а нечто другое. Это романтическое “другое” давал телевизор, там про историю все было куда интереснее!..” (с. 46).

Тоска “совка” по аксельбантам

Проследить, кто был главным героем экрана, не так уж сложно. Им был дворянин. Дворянская культура России прошлых веков оказалась тем самым Олимпом, на который мечтали взобраться все телезрители, хотя их и кормили обязательным сериалом про сибирские колхозы, становлению которых вредят бородатые кулаки из бывших буржуев и белогвардейцев.

Саги о колхозах и совхозах миновали. Но культуры вдруг так всем захотелось. Есть вполне естественный путь — образование. Но это трудно, долго, да и не велик шанс, что все получится. Так как же скоренько решить такую задачу? Ведь нет же имений, нет атмосферы, в которой воспитывались Александр Пушкин, Лев Толстой, Владимир Набоков. А одними усилиями новых гувернеров никак не добиться искомого педагогического эффекта элитарного русского дворянского воспитания. Знания уже есть, а элиты еще нет. Можно и языкам обучить, и хорошим манерам, верховой езде и теннису, танцам и гольфу, но нечто остается недостижимым, этого нельзя купить ни за какие деньги. А дворянская культура влечет.

Нынешняя тоска “совка” по аксельбантам стала болезнью. “Дворянствофилия” одолевает, что усугубляется общим фоном стилизации прежней жизни, с гербами, девизами, канделябрами. Смута рождает самозванцев. Это их эпоха. Она дает им единственную возможность попасть в анналы. Другой не будет. Правда, сейчас анналы — это уже не книги и хартии, а опять-таки телевидение. Круг замыкается. Откуда все произошло, туда все и должно вернуться. Историко-культурный комплекс неполноценности “новых русских” некогда сумел без особых изысков устранить наш телеучитель, всеобщий образователь (с. 46). Телевизионное непросвещающее просвещение в застойные годы создало до боли знакомую картинку дворянской культуры: усадьбы, парки, спуски к пруду или к реке, гроты, мостики, лодочки, нежные цвета одежд, спокойное течение речи, лорнеты.

Дворянское умение “жить красиво” нам привили. Теперь С.С.Совковский ищет возможности стать дворянином, причем желательно с аксельбантами. У него имеется и родословная: правнук поручика Ржевского, внук Чапаева, племянник Штирлица. Чистопородный дворянин, чуть не столбовой. Дворянское собрание ему заменил “телек”, в котором каждый вечер и круглые сутки — праздник и счастливые лица. Телевнушение — это иллюзия, обман, фикция, симуляция подлинной жизни.

Экран существенным образом отразился и на методах обучения в школе. В 70-е годы вся страна в едином порыве проводила телеуроки. Все школьное расписание нашей необъятной Родины было составлено так, чтобы в четверг в 8 час.30 мин. все восьмые классы смотрели тему: “Война 1812 года”. Престиж преподавателя истории резко снизился.

“Экранизированное поколение” уже выросло и вступило в жизнь. Оно закрыто. Его жизнедеятельность проходит у экранов компьютера или телевизора. Самая интересная

“жизнь” теперь там, на экране, там и играют, там и считают, там и живут. Наивные сторонники прогресса продолжают на него надеяться. Зря. Экранизация не оставит ничего от всех милых сердцу театральных форм нашей жизни. Театр реален, он не только начинается с вешалки, в него можно войти, и видеть, и слышать, и находить в нем то, что так подкупает своей жизненностью.

Экранизация образования с последующей всеобщей и полной экранизацией нашей жизни с удивительным постоянством и ритмичностью может угробить самое важное в человеческой жизни — общение людей друг с другом.

Всему свое время

Возможно, в странах Запада компьютеризация и экранизация приносят меньше вреда. Там эти технические средства возникли и стали плодом сложной эволюции. Не столько нам “рано” экранизировать образование, сколько надо на сей день иметь то, что можно было бы подвергать такому мощному воздействию. Гуманитарное сознание начинает сейчас с опозданием хвататься за ценностные ориентиры. Но все уже свершилось, реакция произошла. Как с экрана объяснить особую ценность бесполезных мыслей или сказать о том, что они должны существовать, дабы человек мог говорить с другим человеком, понимая его? Технократическая простота хуже воровства.

В нашей стране с особой гуманитарной склонностью к письменной и устной культуре есть ощутимая опасность эту нашу единственную ценность утратить. Зачем сегодняшнему российскому бизнесмену Л.Н.Толстой? Разве что только для того, чтобы он себя именовал предпринимателем?

Телевизор построил огромную коммуналку. Все дикторы и ведущие давно стали нашими мнимыми соседями. Идет процесс телезатемнения, и он касается всех. Малообразованные мальчики-дикторы и девочки-журналисточки задают в своих студиях очень плоские вопросы каким-то людям, мнение которых интересно для телезрителя. Но почему все так мелко? Телевидение — это такой вид массового затемнения, что тут всем все должно быть понятно. Но ведь так уже было в советской средней и очень... школе. Там это называлось опора на большинство класса в борьбе за всеобщее. Значит, не только “ящик” влияет на нас, но и...? Похоже, что каждый народ достоин той телевизионной программы, которую ему показывают.

“Плебейская массовость культуры все больше заслоняет, удаляет от нас культуру личную. Добро бы получалось нечто вроде приобщения к большому организму огромной страны. Нет. Примитивно и суггестивно, как у Кашпировского. Суррогатный вид жизни возникает при сочетании массового телевидения и персонального компьютера. Это — жизнь без взаимодействия белковых тел. Телевизионное воздействие на политическое сознание происходит тем же способом затемнения, что и внушение, гипноз, психовторжение” (с. 49). Нас приучают к образу нового лидера: раз мелькнул, второй, третий. Взяли интервью. Говорил нечто несуразное, но внешне выглядел вполне rispetабельно.

Клипы и реклама стали центральными феноменами эпохи постмодернизма. Они оказывают вполне определенное воздействие на стиль образования и тип образованности. В минуту укладывается все. Теперь все студенты говорят с рекламной лапидарностью, стремятся к мгновенному эффекту. Это стиль постмодернистской моды на интеллектуальность. Насмешка во всех действиях, не “ирония судьбы”, а “хохма” — таковы стилизаторские попытки 90-х, этих перевернутых 60-х годов.

Процесс симуляции триумфальной поступи шагает по стране. Мы играем и притворяемся в политике, в экономике, в образовании и в науке. Играем в образование, притворяемся, что не замечаем неловкостей и условностей сценария, часто читаем реплики вместе с ремарками. Есть у нас и суфлер: телевизор.

Постмодернистское образование уже всецело зависит от него, оно экранировано от жизни, которая (в отместку) заявляет о ненужности образования как такового. Уже всем известно, что ни предпринимательству, ни искусству фотомодели нельзя научить. Так о каком образовании может идти речь?

“Сто лет назад спорили, на чем держатся культура и образование в России. Сергей Довлатов заметил, что многие восторгаются русскими писателями XIX в., а вот быть похожими хочется на Чехова, реального человека Чехова. Именно он однажды сказал, что умный любит учиться, а дурак учить. Именно это и следует считать концепцией российского образования следующего века” (с. 50).

И.В.Случевская